

УДК 339.544, 339.977

КОНТРОЛЬ ТАМОЖЕННОЙ СТОИМОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ (2025 ГОД)

А.Ю. Грабовская, Е.А. Шафикова, П.А. Соловьева, Н.В. Могилевская

Сибирский федеральный университет, институт торговли и сферы услуг, Красноярск,
email: arinagrabovskaj8@gmail.com

Аннотация. В условиях санкционных ограничений и стратегического курса на импортозамещение, таможенно-тарифное регулирование России переживает фундаментальную трансформацию. К 2025 году оно перестало быть лишь фискальным инструментом, превратившись в ключевой механизм индустриальной политики, обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета. Актуальность исследования обусловлена глубоким методологическим кризисом традиционных систем контроля, переориентацией торговых потоков, отходом от правил Всемирной торговой организации, правовой неопределенностью и технологическим вызовом со стороны скрытых схем поставок. Поиск новых адаптивных подходов к таможенному администрированию, способных балансировать между стимулированием критического импорта, защитой внутреннего рынка и обеспечением бюджетных доходов, является одной из наиболее острых практических задач для российской экономики в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Таможенная стоимость, таможенный контроль, санкции, импортозамещение, экономическая безопасность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), параллельный импорт, таможенно-тарифное регулирование, цифровизация таможенного администрирования, правовая неопределенность, промышленная политика, фискальные риски.

CUSTOMS VALUE CONTROL AS A TOOL FOR IMPORT SUBSTITUTION UNDER SANCTIONS: METHODOLOGICAL CHALLENGES AND NEW APPROACHES (2025)

A.Yu. Grabovskaya, E.A. Shafikova, P.A. Solovyova, N.V. Mogilevskaya

Siberian Federal University, Institute of Trade and Services, Krasnoyarsk, email: arinagrabovskaj8@gmail.com

Abstract. In the conditions of sanctions restrictions and a strategic course towards import substitution, Russia's customs and tariff regulation is undergoing a fundamental transformation. By 2025, it has ceased to be just a fiscal instrument, becoming a key mechanism for industrial policy, ensuring economic security and technological independence. The relevance of the study is due to the deep methodological crisis of traditional control systems, the reorientation of trade flows, the departure from the rules of the World Trade Organization, legal uncertainty and the technological challenge of hidden supply chains. The search for new adaptive approaches to customs administration that can balance between stimulating critical imports, protecting the domestic market, and securing budget revenues is one of the most pressing practical challenges for the Russian economy in the medium term.

Keywords: customs value, customs control, sanctions, import substitution, economic security, Eurasian Economic Union (EAEU), parallel imports, customs and tariff regulation, digitalization of customs administration, legal uncertainty, industrial policy, fiscal risks.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.02.2026

Дата принятия статьи в печать: 03.04.2026

Введение

В последнее время мировая экономика сталкивается с новыми вызовами и изменениями, включая ускорение цифровой трансформации, формирование региональных технологических блоков и усиление экономической роли стран глобального Юга [1]. Эти изменения, наложенные на непрерывную турбулентность финансовых рынков и цикличность экономических кризисов, ведут к фундаментальному перераспределению сил в мировой экономической структуре. Одновременно, усугубляющиеся геополитические разломы переводят традиционную торговую конкуренцию в плоскость системного противостояния, где инструменты экономической политики становятся оружием стратегического сдерживания. В ответ на эти вызовы, отдельные коалиции государств все чаще прибегают к точечным и секторальным санкциям, создавая сложную

сеть ограничений, направленных на переформатирование глобальных цепочек создания стоимости и ограничение технологического суверенитета целевых стран. Это подчеркивает переход к новой тенденции международных отношений, характеризующейся разделением правил и ростом непредсказуемости.

Цель исследования

Цель исследования – анализ трансформации контроля таможенной стоимости в условиях санкций и курса на импортозамещение к 2025 году, а также разработка предложений по адаптации методологических подходов и инструментов таможенного администрирования для обеспечения баланса между фискальными интересами, защитой внутреннего рынка и стимулированием критического импорта в новых экономических реалиях.

Материал и методы исследования

В качестве материалов использовались нормативно-правовые акты (решения ЕЭК, законодательство РФ, указы Президента), официальная статистика ФТС и Банка России, данные судебной практики арбитражных судов, а также экспертные публикации и аналитические обзоры. В исследовании применялись методы сравнительного, структурного и системного анализа, прогнозирования на основе выявленных тенденций, а также анализ прецедентов для оценки изменений в таможенно-тарифном регулировании в условиях переориентации торговых потоков и отказа от норм ВТО.

Результаты исследования

К 2025 году, спустя несколько лет после введения антироссийских ограничений, вопрос перестройки таможенного регулирования из инструмента административно-фискального контроля в стратегический механизм обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета приобрел критическую важность. Исторически сложившаяся система, ориентированная на универсальные принципы ВТО и прозрачные глобальные рынки, оказалась неадаптированной к реалиям «экономики осажденной крепости». Новая география торговых потоков, доминирование параллельного импорта, работа через длинные цепочки посредников в дружественных юрисдикциях и необходимость защиты отраслей импортозамещения, которые требуют не визуальных изменений, а пересмотр концептуальных основ таможенного администрирования. Различные подходы к урегулированию политических споров, включая тотальные запреты на экспорт критических технологий, избирательные финансовые ограничения и преференциальные режимы для лояльных партнеров, формируют внешнюю среду, в которой классические таможенные процедуры становятся источником рисков, а не гарантом предсказуемости.

Экономические ограничения, введенные против России, трансформировались из первоначального «шокового» испытания в устойчивый фактор долгосрочного планирования, продолжая препятствовать традиционным объемам коммерческой деятельности, свободному движению капитала и полноценному доступу к передовым технологическим платформам и рынкам. Однако к 2025 году фокус сместился с констатации ущерба на анализ структурных деформаций, вызванных этими ограничениями. Главным испытанием становится не физическая нехватка товаров, а системная уязвимость экономики, проявляющаяся в зависимости от непрозрачных схем поставок, технологическом отставании в критических отраслях и постоянном бюджетном дефиците, усугубляемом проблемами в администрировании таможенных платежей в новых условиях.

Тем не менее, адаптационный ответ России не сводится к пассивному выживанию. Страна активно формирует новую архитектуру экономических связей, работая в рамках углубленной интеграции в ЕАЭС, стратегического партнерства с государствами БРИКС+ и развития двусторонних альянсов. В этом контексте санкции оказывают прямое и опосредованное влияние на внутреннее валютное и, что особенно важно, таможенно-тарифное регулирование. Ограничения на импорт/экспорт определенных категорий товаров, транспортные и страховые эмбарго напрямую изменяют структуру товарооборота. Однако более серьезным вызовом является их косвенное воздействие: они вынуждают участников ВЭД использовать сложные, многоступенчатые схемы ввоза, что кардинально меняет природу документального сопровождения, логистических затрат и, как следствие, таможенной стоимости — базового элемента для начисления всех платежей. Это создает порочный круг: государство нуждается в надежных таможенных

поступлениях для финансирования импортозамещения, но существующие методы контроля теряют эффективность в условиях доминирования нерыночных, непрозрачных операций, под-
рывающая саму финансовую основу стратегического курса.

Экономические санкции могут привести к изменениям в валютно-таможенном регулиро-
вании в направлениях, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Влияние антироссийских санкций и ожидаемые последствия в сфере
валютно-таможенного регулирования.

Область регулирования	Конкретные последствия (прогноз на 2025 г.)
1 Структура внешней торговли и логисти- ка	Дальнейшая консолидация переориентации товарных потоков на Азию (Китай, Индия, Турция, некоторые страны СНГ) и Ближний Восток. Рост доли парал- лельного импорта, в том числе через третьи страны (Армения, Казахстан, Кыр- гызстан). [2]
2 Валютный режим и расчеты	Устойчивый тренд на дедолларизацию и деевроизацию внешнеторговых кон- трактов. Рост доли расчетов в национальных валютах (юань, рупия, дирхам) и российских рублях. Увеличение транзакционных издержек и сроков проведе- ния операций из-за усложненных цепочек. [3]
3 Таможенная стоимость и контроль	Кризис методов контроля: системные проблемы с подтверждением достовер- ности таможенной стоимости из-за длинных цепочек посредников, серых ло- гистических схем и отсутствия рыночных цен на новые товарные позиции. Рост числа судебных споров и доначислений. [4]
4 Таможенные платежи и пошлины	Рост фискальных рисков из-за потенциального недобора платежей. При этом — возможное дальнейшее адресное снижение пошлин на критический импорт (оборудование, компоненты) для стимулирования импортозамещения, что соз- даст дисбаланс с необходимостью защиты внутреннего рынка. [5]
5 Правовая база и регулирование	Постепенная замена отсылок к нормам ВТО на национальные и союзные (ЕАЭС) регламенты. Развитие прецедентного права через суды ЕАЭС и арби- тражные суды РФ по вопросам, связанным с санкциями. Усиление роли вну- тренних методических рекомендаций ФТС. [6]

К 2025 году влияние антироссийских санкций на валютно-таможенное регулирование при-
обрело характер системной структурной деформации, а не «временного шока». Сформиро-
вавшиеся в 2022-2024 гг. тенденции закрепились и создали новую институциональную реаль-
ность. Вопреки ожиданиям некоторых западных аналитиков, Россия не вернулась к прежним
схемам торговли, а выстроила альтернативную архитектуру, что привело к следующим ключе-
вым последствиям:

1. Окончательная переориентация торговых потоков и кризис классических таможенных
процедур.

На основе данных Федеральной таможенной службы (ФТС) о внешней торговле России за
январь-октябрь 2025 года наблюдается сокращение общего объема экспорта на 4,3%, составив
338,8 млрд долл. США, в то время как импорт снизился незначительно — на 2,4%, до 224,4 млрд
долл. США. В структуре экспорта произошло существенное сокращение поставок минеральных
продуктов на 36,7%, однако значительно выросли продажи продукции химической промыш-
ленности, металлов и изделий из них, а также машин и транспортных средств, что свидетель-
ствует о постепенной переориентации экспортных потоков. В импорте отмечается рост заку-
пок продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 14,2% на фоне сокращения
ввоза машин и оборудования. Эти изменения происходят в условиях кардинальной трансформа-
ции географии внешней торговли: товарооборот с «недружественными» странами сократился до
исторических минимумов, а доля стран Азии в российском импорте устойчиво превысила 70%,
при этом Китай стал крупнейшим партнером с долей около 35% [7]. Такая перестройка логи-
стических и экономических связей привела к кризису традиционных механизмов таможенного
контроля, в особенности в сфере определения таможенной стоимости, которые теперь требуют
адаптации к новым реалиям. Методы оценки по цене сделки с ввозимыми или идентичными
товарами (ст. 39, 40 ТК ЕАЭС) зачастую неприменимы из-за сложных цепочек посредников и

отсутствия прозрачных рыночных цен на новые маршруты. Это подтверждается ростом количества арбитражных споров: по данным картотеки арбитражных судов, в 2024 году количество дел, связанных с оспариванием доначислений по таможенной стоимости, выросло более чем на 25% по сравнению с докризисным периодом [4].

2. Смена парадигмы с ВТО на национальный и союзный протекционизм.

Если в 2022–2023 гг. обсуждались риски исключения России из ВТО, то к 2025 году произошёл фактический отказ от следования многим правилам этой организации в пользу национальных интересов. На смену принципам режима наибольшего благоприятствования и прозрачности пришла политика целевого протекционизма и стимулирования импортозамещения. Ярким примером является регулярное принятие Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) решений о нулевых ввозных пошлинах на технологическое оборудование, комплектующие и сырьё, отсутствующие в ЕАЭС [8]. Одновременно с этим, как предсказывали эксперты, сохраняются повышенные ставки на конечные потребительские товары, конкурирующие с отечественными. Таким образом, таможенный тариф стал гибким инструментом промышленной политики, а не просто фискальным механизмом.

3. Укрепление финансового суверенитета и новые риски.

В валютной сфере тренд на дедолларизацию стал необратимым. По данным Банка России, доля расчетов в рублях и юанях во внешней торговле России к концу 2024 года превысила 80% [9]. Это радикально снизило зависимость от западных финансовых систем и санкционных рисков для конкретных сделок. Однако у этого стратегического результата есть операционная цена: усложнение цепочек расчетов, рост транзакционных издержек и необходимость накопления валютных резервов в новых активах. Финансовые ограничения Запада не были преодолены, но были обойдены через создание параллельной инфраструктуры.

4. Правовая неопределенность как новая норма и вызов для судов.

Выход из правового поля ВТО создал значительный нормативный вакуум. Отсутствие универсальных международных правил привело к тому, что ключевые вопросы — от подтверждения страны происхождения товара в условиях параллельного импорта до оценки «добросовестности» цен в сделках с новыми партнерами — решаются через прецедентное право. Судам ЕАЭС и российским арбитражным судам приходится вырабатывать новые правовые позиции, что, с одной стороны, дает гибкость, а с другой — создает высокие риски непредсказуемости для бизнеса. Как отмечается в обзорах ведущих юридических фирм, правоприменительная практика по таким вопросам остается противоречивой и продолжает формироваться [10].

К 2025 году валютно-таможенное регулирование России окончательно трансформировалось под давлением санкций. Его главными характеристиками стали: гибкий протекционизм, ориентация на ЕАЭС и альтернативные центры силы, управляемая дедолларизация и доминирование прецедентного права. Однако ключевым испытанием для этой новой системы является не её создание, а её эффективное применение. Основным вызовом на ближайшую перспективу становится внутренняя задача качественной реализации: повышение эффективности новых механизмов, снижение административных барьеров и издержек для добросовестного бизнеса. Именно от решения этой задачи напрямую зависит успех политики технологического суверенитета, которая является центральной стратегической целью государства в новых условиях.

Таким образом, таможенно-тарифное регулирование перестает быть лишь фискальным и контрольным механизмом, превращаясь в гибкий и многофакторный инструмент промышленной политики, призванный обеспечить ускоренное импортозамещение. Анализ нормативных изменений, запланированных и реализуемых в 2025–2026 годах, позволяет выявить формирование нового подхода, который можно охарактеризовать как дифференцированное стимулирование. Этот подход нацелен не на тотальное ограничение импорта, а на его селективное регулирование для поддержки структурной трансформации экономики, о необходимости которой прямо указано в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025–2027 годы [11].

Первое направление трансформации — это административная и тарифная поддержка «дружественных» и критически важных поставок. Ярким примером является смягчение процедуры подтверждения страны происхождения товара с 2025 года. Нововведение позволяет участникам внешнеэкономической деятельности (ВЭД) использовать для получения тарифных преференций копию сертификата о происхождении, обязавшись предоставить оригинал в течение шести

месяцев. Данная мера, как отмечает эксперт в области таможенного права, призвана снизить операционные издержки и ускорить таможенное оформление товаров, необходимых для промышленности, из стран, не присоединившихся к санкциям. Одновременно реализуется пилотный проект по контролю деклараций на товары, который путем автоматического перераспределения нагрузки между таможенными постами должен минимизировать задержки в оформлении, что критически важно для бесперебойной работы производственных цепочек [12]. Эти шаги напрямую коррелируют с задачей «переориентации цепочек поставок», обозначенной Минфином РФ как один из ключевых итогов адаптационного периода [11].

Второе, контрбалансирующее направление — это фискальное и административное ужесточение в отношении иных товарных потоков. Наиболее значимым изменением здесь станет плановое повышение ставок таможенного сбора в 2026 году в среднем в 1,2–2,5 раза, что существенно увеличит фискальную нагрузку на импортеров [12]. Данная мера, с одной стороны, служит фискальной цели пополнения бюджета в условиях завершения его нормализации [11], а с другой — выполняет протекционистскую функцию, создавая дополнительный ценовой барьер для ввозимой продукции, особенно конечного потребления. Параллельно готовится к внедрению с 1 апреля 2026 года Система подтверждения ожидания поставки товаров (СПОТ), нацеленная на противодействие незаконному ввозу товаров, в первую очередь в автомобильной сфере, путем контроля за авансовыми платежами по НДС [12]. Это направлено на очищение рынка от нелегальной продукции и защиту добросовестных участников ВЭД, включая отечественных производителей.

Таким образом, таможенная политика на среднесрочную перспективу эволюционирует в сторону комплексного и технологичного механизма, интегрированного в общегосударственную стратегию развития. Она сочетает в себе 3 основных элемента, представленных на рисунке 1:

Рис. 1. Элементы таможенной политики

Этот набор мер выходит за рамки классического тарифного протекционизма и становится частью масштабной системы государственной поддержки, включающей инвестиционные налоговые вычеты, льготное кредитование и прямые субсидии, направленные на «содействие структурной трансформации экономики» [11]. Однако реализация этой амбициозной стратегии наталкивается на глубокие структурные проблемы внутри самой системы таможенного регулирования, которая в условиях форсированного импортозамещения и перестройки хозяйственных связей сама переживает период кризиса и трансформации. В новых экономических реалиях таможенное регулирование сталкивается с системными вызовами, ключевым из которых является глубокий методологический кризис контроля таможенной стоимости.

В условиях ускоренной структурной перестройки экономики и ускоренного импортозамещения, таможенное регулирование сталкивается с системными вызовами, трансформирующими его традиционную роль. Ключевой проблемой, обостряющейся к 2025 году, является глубокий методологический кризис контроля таможенной стоимости. Классические методы, закрепленные в ТК ЕАЭС, перестают работать в новой реальности, характеризующейся доминированием

длинных цепочек поставок через третьи страны, практикой параллельного импорта и непрозрачными схемами с участием посредников. Это приводит к двоякому негативному эффекту: с одной стороны, возникает риск масштабного недобора бюджетных доходов из-за искусственного занижения стоимости, с другой — добросовестные участники ВЭД сталкиваются с ростом административных барьеров и судебных споров, когда таможенные органы вынуждены прибегать к субъективному применению резервных методов. Решение данной проблемы лежит в плоскости фундаментальной адаптации инструментария. Необходима разработка и внедрение отраслевых справочно-информационных систем (калькуляторов), формирующих референтные ценовые коридоры на основе анализа новых рынков и логистических затрат, а также инициирование на уровне Евразийской экономической комиссии пересмотра методологии в сторону учета принципа экономически обоснованной стоимости производства внутри ЕАЭС.

Параллельно нарастает проблема правовой неопределенности и фрагментации правил, возникающая после отказа от следования нормам ВТО. Быстрая замена универсальных международных принципов потоком национальных и союзных актов создает непредсказуемую среду для бизнеса. Противоречивая судебная практика по вопросам происхождения товаров и взаимосвязанности лиц подрывает единое экономическое пространство Союза. Выходом из этого тупика может стать ускоренная работа по кодификации новых правил в рамках права ЕАЭС и усиление роли Суда ЕАЭС в выработке единых правовых позиций, что призвано заменить текущую волатильность на стабильные и понятные правила игры.

Заключение

Внутренним противоречием современной таможенной политики является дисбаланс между декларируемыми стимулирующими целями и фискальной практикой. В то время как для поддержки импортозамещения вводятся адресные льготы, такие как упрощенное подтверждение происхождения товаров из дружественных стран, общая нагрузка на импортеров планируется к значительному повышению за счет роста таможенных сборов. Такой разнонаправленный вектор мер может привести к нейтрализации стимулирующего эффекта для ключевых отраслей. Для согласования этих задач требуется переход к более тонкой, селективной тарифной настройке, при которой повышенное фискальное бремя ложится преимущественно на конечные потребительские товары, а критические для промышленности импортные комплектующие и оборудование сохраняют доступный режим ввоза. Кроме того, для участников стратегических инвестиционных проектов в приоритетных отраслях необходим особый таможенный режим с гарантиями стабильности условий.

Наконец, сохраняется проблема технологического отставания инструментов таможенного контроля, которые зачастую не успевают за изощренностью современных схем минимизации платежей и «серого» импорта. Борьба с этими вызовами требует не просто цифровизации существующих процедур, а качественного скачка. Массовое внедрение сквозных цифровых технологий, таких как система прослеживаемости цепочек поставок, блокчейн для фиксации транзакций и интеграция больших данных из различных государственных информационных систем (ФНС, ФТС, Росфинмониторинг), позволит сместить фокус с постфактумных проверок на превентивный риск-ориентированный анализ и обеспечить принципиально новый уровень прозрачности внешнеторговых операций. Таким образом, преодоление системных проблем таможенного регулирования лежит на пути его трансформации из бюрократического барьера в современный, технологичный и сбалансированный инструмент реализации национальной промышленной политики.

Литература

1. Гоголюхина М. Е., Чирская К. Н. Экономическое развитие стран Глобального Юга и их роль в мировой экономике // *Kant*. 2024. № 2 (51). DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.12 EDN: EQVHFI.
2. Основные направления развития внешнеэкономической деятельности // Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Обзоры финансовой стабильности и платежного баланса РФ. Раздел «Внешний сектор» содержит статистику по валюте расчетов и движению капитала // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

4. Судебная практика. Картотека арбитражных дел. Аналитические обзоры ведущих юридических фирм (Пепеляев Групп, Князев и партнеры) // Электронное правосудие. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 14.01.2026).
5. Открытые данные по администрированию таможенных платежей и статистика. Доклады о деятельности // Федеральная таможенная служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).
6. Решения и рекомендации по применению права Союза // Суд Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. URL: <https://courteurasian.org/> (дата обращения: 13.01.2026).
7. Справочные и аналитические материалы // Федеральная таможенная служба (ФТС России). [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.01.2026).
8. Оценка регулирующего воздействия, общественное обсуждение, оценка фактического воздействия // Евразийский экономический союз. [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.eaeunion.org> (дата обращения: 11.01.2026).
9. Инфляция в России // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2025-11 (дата обращения: 15.01.2026).
10. Коновалова Т.Л. Влияние санкций на внешнеэкономическую деятельность российских компаний // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2024. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://risk.sgu.ru/2024/proc/035.pdf> (дата обращения: 09.01.2026).
11. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов (утв. Минфином РФ) // Контур.Норматив. [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=479470> (дата обращения: 12.01.2026).
12. Заливащенко В. Что изменилось в таможенном законодательстве в 2025 и изменится в 2026 // РБК Компании. [Электронный ресурс]. URL: <https://companies.rbc.ru/news/OfPE73XitK/chto-izmenilos-v-tamozhennom-zakonodatelstve-v-2025-i-izmenitsya-v-2026/> (дата обращения: 12.01.2026).